

ВОСПОМИНАНІЯ ПОЛЬСКАГО ПОВСТАНЦА 1863 ГОДА ¹⁾.

VII.

Опять въ Варшавѣ.—Кофейня Пильцевой.—Охота на улицахъ Варшавы.—Мой выѣздъ изъ Варшавы.—Возвращеніе въ шайку.—Засада на поѣздъ желѣзной дороги.—Новый планъ Стасюкевича.—Неудача и недовольство шайки.—Преслѣдованіе шайки русскими войсками.—Шайка Стасюкевича разбита.—Мое рѣшеніе ѣхать въ царство Польское.

ВОСТАНОВИЛСЯ въ Парижской гостинницѣ на Бѣлянской улицѣ и сейчасъ же пошелъ въ баню, послѣ чего уснулъ такъ, какъ давно не спалъ. Проснувшись на другой день, я вышелъ полюбоваться Варшавой. Не смотря на аресты и даже казни, городъ находился, можно сказать, въ веселомъ настроеніи. Всѣ чего-то ждали, на что-то твердо надѣялись и не скрывали этой надежды. Собирались въ кофейняхъ, главнымъ образомъ на Краковскомъ предмѣстьѣ въ кофейнѣ Пильцевой, читали газеты, шумѣли. Я случайно зашелъ въ кофейню Пильцевой, не зная, что здѣсь собираются польскіе революціонеры (swietne towarzystwo), и встрѣтилъ Мѣлевскаго. Я очень былъ радъ этому случаю, тѣмъ болѣе, что помнилъ порученіе, данное мнѣ Стасюкевичемъ. Поздоровавшись, онъ познакомилъ меня съ тремя молодыми людьми, и отъ нихъ я узналъ, что будетъ производиться какая-то охота на улицахъ Варшавы. Я не имѣлъ времени даже разспросить,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. L, стр. 74.

что это будетъ за охота, такъ какъ вдругъ всѣ бросились къ окну. Я послѣдовалъ за другими и увидѣлъ, что на улицѣ арестовали одного за другимъ двухъ человѣкъ.

— Сегодня, значить, охота на брюнетовъ, такъ какъ вчера была на блондиновъ,—замѣтилъ одинъ изъ моихъ новыхъ знакомыхъ.

Я все еще не понималъ, что это значить. Въ это время Мѣлевскій предложилъ отправиться въ Саксонскій садъ, и скоро мы уже сидѣли на главной дорожкѣ сада. Недолго, впрочемъ, мы здѣсь оставались. Неожиданная вѣсть заставила моихъ товарищей удалиться изъ сада. Пришелъ какой-то господинъ, запыхавшійся, и одному изъ нихъ шепнулъ что-то на ухо. Послѣ этого они наскоро попрощались со мною и ушли изъ сада, сказавъ только, что охота усиливается. Я такимъ образомъ остался одинъ. Мнѣ было очень интересно посмотрѣть, въ чемъ заключается охота. Я вышелъ изъ сада и на Краковскомъ предмѣстьѣ остановился возлѣ одной кучки, въ которой дѣйствовалъ частный приставъ. Завидя какое нибудь подозрительное лицо, онъ приказывалъ его арестовать, и арестованнаго полиція тотчасъ замыкала въ свой кружокъ. Едва я остановился, какъ ко мнѣ подошелъ полицейскій, котораго я сначала не замѣтилъ, и предложилъ слѣдовать за нимъ со словами: «Я васъ арестую».

Когда полиція набрала такимъ образомъ до десяти человѣкъ, мы тронулись къ ближайшей части. Здѣсь насъ ввели въ большую комнату, дверь которой была охраняема двумя часовыми. Здѣсь уже было много другихъ арестованныхъ, такъ что пока дошла очередь до меня, прошло два часа. Осмотръ производился очень тщательно, и меня подвергли допросу, на которомъ я сказалъ, что только вчера пріѣхалъ въ Варшаву, остановился въ Парижской гостинницѣ, № 3, на Бѣлянской улицѣ, что послѣзавтра, если обстоятельства позволятъ, уѣду, что пріѣхалъ только къ портному, который долженъ мнѣ сшить платье къ моей свадьбѣ.

Все это вранье было записано дословно. Затѣмъ приступили къ обыску. Велѣли мнѣ снять платье, которое начали осматривать нѣсколько полицейскихъ чиновниковъ; заставили даже снять бѣлье. Я повиновался. Хорошо, что я, пріѣхавъ въ Варшаву, спряталъ въ одинъ изъ стульевъ моего номера паспортъ и производство (pomiņasīje), за которое я навѣрно могъ попасть въ цитадель. Такимъ образомъ, моя предусмотрительность спасла меня отъ ареста. Полицейскіе, не найдя ничего предосудительнаго, выпустили меня. Это заставило меня на другой же день уѣхать изъ Варшавы. Я былъ чрезвычайно доволенъ, когда очутился за чертой города. Безъ всякихъ особенныхъ приключеній я добрался до своей партіи.

Я нашелъ нашихъ офицеровъ за необраннымъ послѣ ужина столомъ, на которомъ стояло нѣсколько не оконченныхъ бутылокъ.

Первый вопросъ ихъ былъ о французахъ. Я сообщилъ, что со дня на день ихъ ожидаютъ въ Варшавѣ. Товарищи мои ободрились и потребовали доказательствъ. Я уклонился отъ этого и съ своей стороны спросилъ, отчего они все странствуютъ, переходятъ изъ одного мѣста на другое. Оказалось, что военный воевода упрекнулъ Стасюкевича въ бездѣйствіи и приказалъ двинуться къ Чижову, гдѣ собирались партіи подѣ главнымъ начальствомъ Фриче. Стасюкевичъ двинулъ свою партію по указанному направленію, но скоро узналъ, что Фриче разбитъ. Тогда Стасюкевичемъ былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшили не возвращаться назадъ, а идти къ линіи желѣзной дороги и сдѣлать тамъ засаду на проходящіе поѣзда съ войскомъ.

Партія двинулась и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станціи желѣзной дороги Малкины устроила засаду на поѣздъ, везшій солдатъ въ Варшаву. Распорядились слѣдующимъ образомъ. Попортили шпалы и положили ихъ на полотно не прикрѣпленными, арестовали будочниковъ, вмѣсто которыхъ поставили повстанцевъ, переодѣвъ ихъ въ куртки будочниковъ и давъ имъ въ руки сигнальные значки.

Въ это время пріѣхалъ нашъ шпионъ съ извѣстіемъ, что москаля идутъ со стороны Малкины. Стасюкевичъ во главѣ кавалеріи поскакалъ на встрѣчу неприятелю, скрывавшемуся за облакомъ пыли. Подѣхавши ближе, Стасюкевичъ замѣтилъ, что это толпа народа, возвращавшагося изъ сосѣдняго костела. Между тѣмъ поѣздъ проѣхалъ совершенно спокойно. Повстанцы дали по немъ нѣсколько залповъ, послѣ чего каждый хвастался, что убилъ нѣсколько москалей. Тишина и спокойствіе снова водворились. Стасюкевичъ послалъ извѣстіе въ Варшаву, что разбилъ на голову цѣлую роту солдатъ.

Послѣ, впрочемъ, узнали, что стрѣляли по товарному поѣзду, шедшему въ Варшаву съ шерстью, и что въ окна пассажирскаго вагона выглядывали купцы-евреи.

Противъ Стасюкевича былъ посланъ русскій полковникъ Антошевичъ съ 3-я ротами пѣхоты, полъ-эскадрономъ драгунъ и двумя пушками. Отъ этого полковника приходилось Стасюкевичу увертываться и часто переходить съ мѣста на мѣсто. Поболтавъ еще немного, мы пошли спать.

Проспавъ два часа на короткомъ диванчикѣ, я проснулся и отправился въ общій залъ, гдѣ засталъ уже довольно оживленное общество, состоявшее изъ курьерокъ и офицеровъ. Вскорѣ вышелъ такъ же и Стасюкевичъ изъ своей спальни. Я отрапортовалъ ему о своемъ возвращеніи изъ Варшавы, говоря, что ничего не могъ сдѣлать по извѣстному уже читателю поводу. Стасюкевичъ сначала сердился, но вскорѣ смягчился и даже сообщилъ мнѣ одинъ свой планъ. Онъ сказалъ, что за шесть верстъ, въ имѣніи Ціем-

сница, стоитъ рота русскихъ солдатъ изъ Бялы, которыхъ помѣшники напоили пьяными и что ихъ можно очень легко безъ выстрѣла уничтожить. Позавтракавъ въ четвертомъ часу утра, мы двинулись въ походъ, но проектъ избіенія пьяной роты не удался, такъ какъ мы пришли въ то время, когда рота за два часа передъ нами ушла въ городъ Бялу. Штабъ и военный совѣтъ былъ ужасно недоволенъ Стасюкевичемъ за его ошибку. Опять возобновился забытый на время споръ, кому быть начальникомъ: Стасюкевичу или Нарбуту. Спорить, однако, не было времени, такъ какъ пришло извѣстіе, что Антосевичъ находится въ 10 верстахъ отъ насъ, вслѣдствіе чего Стасюкевичъ поспѣшилъ отправиться въ Славатыцкіе лѣса, гдѣ, какъ говорили, находилась партія Кризинскаго.

Когда мы выходили изъ лѣсу, мнѣ послышались въ дали русскія военныя пѣсни. Я объ этомъ сказалъ Стасюкевичу. Вскорѣ посланные на развѣдку кавалеристы возвратились и объявили, что казаки окружили хатку лѣсничаго, и что цѣлый отрядъ двигается по направленію къ деревнѣ Коктина. Мы начали лавировать и довольно удачно, потому что отрядъ Антосевича скоро потерялъ насъ изъ виду. Объ этомъ мы узнали по прибытіи въ имѣніе Мазаловку. Такое извѣстіе насъ успокоило совершенно, и мы начали передѣваться къ обѣду, на который получили приглашеніе отъ хозяина имѣнія, какъ вдругъ съ нашихъ сторожевыхъ пунктовъ раздался выстрѣлъ и вскорѣ за нимъ крикъ: «москале, москале!!!».

Всѣ переполошились отъ такой неожиданности. Стасюкевичъ, всунувъ голову черезъ открытое окно въ нашу комнату, кричалъ во все горло: «къ оружію! къ оружію!». Всѣ бросились поспѣшно вооружаться. Я, не менѣе другихъ перепуганный такимъ неожиданнымъ сюрпризомъ, забылъ даже уложить свою прелестную голубую блузу. Такимъ образомъ подарокъ хорошенькихъ патріотокъ постигла самая печальная участь. Онъ достался въ руки москалей. Захвативъ револьверъ и бумаги, я черезъ окно выскочилъ на дворъ. Здѣсь моимъ глазамъ представилась слѣдующая картина.

Подводы, которыя привезли насъ, скакали во весь опоръ. За ними гнались около 20 казаковъ. Въ отдаленіи стояли двѣ пушки съ прислугой и драгуны. Пѣхоты, кромѣ той, которая была около пушекъ, не было видно. Партія, въ отчаяніи, собственными руками ломала заборы, чтобы проложить себѣ ближайшую дорогу къ виднѣвшемуся за двѣ версты Мѣднянскому лѣсу. Наша кавалерія, изъ сорока человекъ, направилась противъ русскихъ драгунъ. Обозъ же черезъ поля и рвы спѣшилъ къ лѣсу. Пушечный выстрѣлъ заставилъ меня вздрогнуть. Я невольно оглянулся и увидѣлъ, что между нашей кавалеріей и драгунами завязалась схватка. Наши стрѣлки запѣли революціонный маршъ (Marsz, marsz! Polacy). Вся партія дружно поддержала ихъ и на время забыла о своемъ

невыгодномъ положеніи. Но я не забывался ни на минуту и спѣшилъ пробраться въ лѣсъ. Раздался другой пушечный выстрѣлъ, и между нами упало ядро. Многіе, въ томъ числѣ и я, повалились на землю. Къ счастью, ядро не разорвалось; мы поднялись и еще быстрѣе побѣжали къ лѣсу.

На опушкѣ мы догнали свою партію. Стасюкевичъ, подозвавъ меня, велѣлъ мнѣ провести обозъ въ лѣсъ къ хаткѣ лѣсничаго, которая находилась только въ трехъ верстахъ, и послѣ этого взять лошадей въ ближайшемъ имѣніи и ѣхать въ Кодень. Здѣсь можно было узнать навѣрное, нѣтъ ли по близости какой нибудь партіи, и если есть, то попросить довудцу ея, или придти на помощь Стасюкевичу, или же ожидать Стасюкевича, чтобы общими силами дать отпоръ москалямъ. Получивъ такое приказаніе, я чрезвычайно обрадовался. Радовался бы и всякій другой изъ насъ, такъ какъ внутренно мы всѣ сознавали невозможность драться съ русскимъ отрядомъ.

Принявъ такимъ образомъ обозъ подъ свою опеку, я довелъ его до назначеннаго мѣста и оставилъ дожидаться своей партіи. Затѣмъ, спрятавъ револьверъ въ карманъ, я отправился дальше пѣшкомъ. Въ полночь только я добрался до Кодня и тамъ у управляющаго графа Красицкаго узналъ, что за двѣ мили находилась партія Крисинскаго, состоящая изъ 1.500 человекъ, которая наканунѣ ушла. По его словамъ, недалеко также стояла хорошо вооруженная партія бывшаго нашего офицера Ваньковича. Я объ этомъ извѣстилъ Стасюкевича и объявилъ ему, что самъ сейчасъ ѣду къ Ваньковичу просить, чтобы онъ поспѣшилъ къ намъ на помощь. Я потребовалъ лошадей и не медля отправился за Бугъ въ Брестскій уѣздъ искать Ваньковича (Леливу). Я его нашелъ только на другой день. Трудно было добраться до прежняго нашего командира пѣхоты, теперь довудцы, такъ какъ очень немногіе знали о его мѣстопробываніи. Стасюкевичъ же, получивъ отъ меня извѣстіе, рѣшилъ соединиться съ партіей Ваньковича и перешелъ черезъ рѣку Бугъ. Здѣсь у мѣстечка Домачевки, на фермѣ Черекъ, онъ расположился отдохнуть. Онъ былъ спокоенъ, думая, что русскій отрядъ его здѣсь не тронетъ, такъ какъ онъ по дорогѣ уничтожилъ всѣ мосты.

Сигнальный выстрѣлъ, однако, скоро вывелъ его изъ счастливаго забытья. Испуганные повстанцы бросились въ беспорядкѣ въ лѣсъ, находившійся въ полу-верстѣ отъ мѣста ихъ отдыха. Одна только кавалерія выѣхала на встрѣчу, съ цѣлью помѣшать наступленію непріятели. Но русская кавалерія, подкрѣпляемая пѣхотою, заставила нашу кавалерію отступать къ лѣсу. Стасюкевичъ бѣжалъ; пѣхота, оставшись безъ довудцы, пришла въ страшное замѣшательство и не знала, что дѣлать; косиньеры разбѣжались по всѣмъ направленіямъ. Остались защищаться 80 стрѣлковъ, надъ

которыми приняли команду Нарбутъ и Станишевскій. Подъ прикрытіемъ этихъ стрѣлковъ наша кавалерія отступала, пробираясь по топкому болоту въ глубь лѣса.

Наступавшая ночь, лѣсъ и болото, которое успѣли перейти повстанцы, остановили непріяеля и спасли нашу партію отъ совершеннаго уничтоженія. Между тѣмъ, ни одна изъ партій, къ которымъ я ѣздилъ, услышавъ о пораженіи Стасюкевича, не рѣшилась выступить ему на помощь. Я остался въ партіи Лелива ожидать, не примкнутъ ли остатки партіи Стасюкевича къ этой партіи. Дѣйствительно, на третій день послѣ пораженія, мало-по-малу, наши повстанцы начали собираться и пополнять партію Леливы. Впрочемъ, Нарбутъ и оставшійся штабъ не хотѣли допустить, чтобы Лелива былъ главнымъ доводцей, и потому при первой встрѣчѣ завязался горячій споръ, кому быть старшимъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Нарбутъ принялъ подъ свое начальство всю кавалерію, а Лелива—пѣхоту. Нарбутъ скоро приобрѣлъ извѣстность, какъ жандармъ-вѣшатель, а Лелива, разбитый подъ Горками, бѣжалъ за границу.

Послѣднее пораженіе нашей партіи, несогласіе доводцевъ, споры за власть, все больше и больше отклоняли меня отъ участія въ мятежѣ, но я, однако же, рѣшилъ продолжать начатое дѣло, только не здѣсь, а перейти въ царство Польское, гдѣ народъ гораздо сочувственнѣе относился къ общему дѣлу.

Тамъ каждый ксендзъ и помѣщикъ съ распростертыми объятіями встрѣчалъ нуждающагося повстанца—давалъ ему приютъ, охранялъ отъ неожиданныхъ нападеній русскихъ отрядовъ, кормилъ и одѣвалъ. Доносы были рѣдкимъ явленіемъ въ царствѣ Польскомъ. Поэтому я предпочелъ царство Польское Литвѣ, тѣмъ болѣе, что страшное имя М. Н. Муравьева слышалось здѣсь все чаще и чаще.

VIII.

Мирный уголокъ.—Колебанія мои.—Стремленія Стасюкевича къ начальству надъ партіей.—Стасюкевичъ передъ судомъ Жонда.—Ксендзъ Малопольскій, какъ казначей.—Эмиграція Стасюкевича и ксендза Малопольскаго.—Жизнь въ Кржичевѣ.—Перемѣна моихъ убѣжденій.—Мой переѣздъ въ Яновъ.—Осторожность ксендзовъ.—Ночевка въ собачьей будкѣ.—Жандармы-вѣшатели въ монашеской рясѣ.—Злая шутка товарищей.—Жандармы-вѣшатели.—Суевѣріе Жудцискаго.—«Кантычки».—Приказаніе св. Іосифа.

Съ большимъ страхомъ проѣзжалъ я пять миль, оставшіяся мнѣ до границы, и, спустя нѣкоторое время, благополучно добрался до имѣнія Кржичева, принадлежавшаго помѣщику Богуславскому. Кржичевъ расположенъ на самомъ берегу Буга, среди овраговъ,

заросшихъ густымъ кустарникомъ, гдѣ легко можно было бы спрятаться, на границѣ царства Польскаго съ Россією, такъ что съ крыльца помѣщичьяго дома виднѣлся русскій берегъ, покрытый лѣсомъ. Сюда очень рѣдко заходили русскіе отряды. Это былъ уютный уголокъ, гдѣ я, рассчитывая на гостепріимство его хозяина, знавшаго меня еще ребенкомъ, думалъ нѣсколько отдохнуть.

Старикъ Богуславскій, лѣтъ подъ 70, сѣдой, но еще бодрый и живой, самъ участвовалъ въ возстаніи 1831 года, гдѣ былъ офицеромъ польскихъ уланъ. Онъ былъ особенно сердитъ на русскихъ за то, что они уничтожили польскую армію. Когда патріоты 1863 года предлагали ему принять довудство надъ образующимися партіями въ Люблинской губерніи, то онъ спокойно отвѣтилъ, что, какъ бывшій офицеръ славной арміи польской, не станеть срамить себя, принимая начальство надъ бродягами. Старикъ самъ недовѣрчиво и даже презрительно относился къ мятежу 1863 года, однако дѣтей своихъ не стѣнялъ и предоставилъ имъ дѣйствовать, какъ знаютъ. Три старшихъ его сына поступили въ шайку. Впрочемъ, въ царствѣ Польскомъ не было молодаго человѣка, сына помѣщика, который не побывалъ бы хоть недѣлю въ партіи.

Разговорившись со мной, Богуславскій старался показать всю несостоятельность настоящаго мятежа, совѣтовалъ не принимать въ немъ участія, а спрятаться гдѣнибудь такъ, чтобы ни русскіе, ни польскіе отряды не могли меня найти, и ожидать развязки. Видѣнное мной въ послѣднее время заставило меня внутренно соглашаться со словами старика, но я боялся, что, если буду дѣйствовать такимъ образомъ, меня назовутъ трусомъ, что я впоследствии долженъ буду краснѣть за свое индифферентное отношеніе къ дѣлу освобожденія ойчизны, внутренно сознавая всю слабость всего характера. Энтузіазмъ, вогнавшій меня въ разгаръ мятежа, исчезъ совершенно и теперь его мѣсто занялъ какой-то стыдъ, удерживавшій меня отъ разрыва съ мятежемъ. Во мнѣ происходила сильная внутренняя борьба и разочарованіе все больше и больше овладѣвало мною. Иногда геройскіе подвиги повстанцевъ о которыхъ сообщалось въ революціонной газетѣ «Pole bitwy», на нѣкоторое время воспламеняли мое воображеніе, но послѣ этого наступала еще большая апатія.

Несочувствіе Литвы мятежу, выразившееся въ томъ, что крестьяне и нѣкоторые помѣщики не только не помогали повстанцамъ, но даже ловили ихъ, гдѣ только могли, вязали и передавали правительству, заставило меня переселиться въ царство Польское. Скоро здѣсь появился также и Стасюкевичъ; но его привело сюда честолюбіе. Онъ непремѣнно хотѣлъ носить титулъ довудцы, но, послѣ того какъ нѣсколько разъ обнаружилъ свою трусость и неспособность къ дѣлу, въ Литвѣ у него этотъ титулъ оспаривалъ Нарбутъ, пользовавшійся сочувствіемъ большинства. Поэтому-то

Стасюкевичъ и отправился въ царство Польское, гдѣ надѣялся собрать вокругъ себя остатки разбитой партіи и другихъ бѣглецовъ.

Такимъ образомъ, возвратился онъ въ вѣрную ему Покинянку, надѣясь осуществить здѣсь свои мечты. Неразлучнымъ товарищемъ его несчастій былъ шайковый ксендзъ Малопольскій, который поддерживалъ унывающаго доводцу. Но надежды его не оправдались и здѣсь. Никто не хотѣлъ ему повиноваться, надъ нимъ смѣялись, что онъ умѣетъ только командовать: «за мной, за мной въ лѣсъ» (za mną, za mną do lasu), и бѣжать впереди всѣхъ. Скоро его постигло еще одно несчастіе, и съ той стороны, съ которой онъ меньше всего ожидалъ. Въ Покинянку пріѣхалъ какой-то агентъ изъ Варшавы съ объявленіемъ, что онъ, Стасюкевичъ, отданъ подъ судъ и долженъ немедленно отправиться въ Варшаву для объясненій. При этомъ агентъ вручилъ приказъ Жонда варшавскаго, въ которомъ подсудимый Стасюкевичъ былъ обвиняемъ за то, что бѣжалъ съ поля битвы, что партія его, состоявшая изъ храбрыхъ патріотовъ, была разбита, что онъ своей неосторожностью привлекъ къ себѣ вниманіе русскихъ. Стасюкевичъ, получивъ такое предписаніе, рвалъ на себѣ волосы и плакалъ, проклиная неблагодарность поляковъ и ихъ показной патріотизмъ.

Ксендзъ Малопольскій искренно раздѣлялъ горе своего друга. Ему было тяжело разставаться съ должностью казначея, которую онъ занималъ въ партіи Стасюкевича, распорядясь почти безъ всякаго контроля общими суммами. Деньги, попавшія въ его казначейство, рѣдко употреблялись на расходы партіи. Я помню не болѣе трехъ такихъ случаевъ, когда раздавали нижнимъ чинамъ жалованье. Большая часть общей суммы поступала въ большой кожаный мѣшокъ казначея, который былъ привязанъ къ его груди четырьмя шелковыми шнурками. А доходы казначейства были довольно значительны. Помимо разнаго рода «офяръ», къ ксендзу поступали еще часто подати съ разныхъ городовъ, собранныя русскимъ правительствомъ. Дѣлалось это такъ. Черезъ городскую революціонную администрацію Стасюкевичъ узнавалъ, что податной сборъ сложенъ въ томъ или другомъ мѣстѣ. Предпріятіе всегда оканчивалось безъ всякаго кровопролитія. Кавалерія подъ начальствомъ Нарбута ночью пріѣзжала въ указанный городъ къ бургомистру или другому какому либо начальнику, у кого были эти деньги, и тотъ добровольно отдавалъ находившіяся у него суммы въ распоряженіе шайки, или, точнѣе говоря, въ кошелекъ ксендза Малопольскаго. Иногда сумма достигала 1.000 рублей. Въ нашемъ шайковомъ казначействѣ накопилось такимъ образомъ до восьми тысячъ рублей, но мнѣ кажется, что должно было бы быть больше, такъ какъ ксендзъ и Стасюкевичъ никому не давали отчета въ расходованіи денегъ.

Получивъ предписаніе Жонда, Стасюкевичъ съ ксендзомъ, считавъ суммы, рѣшили оставить неблагодарный народъ и уѣхали за границу, гдѣ записались въ число мучениковъ за польскую отчизну.

Я былъ очень доволенъ жизнью въ Кржичевѣ. Даже въ случаѣ, если бы сюда пришелъ отрядъ русскій, то овраги, находящіеся по сосѣдству, прикрыли бы меня и спасли бы навѣрно. Благодаря бдительности почтъ народныхъ, я могъ всегда узнать объ этомъ прежде, чѣмъ отрядъ пришелъ бы въ имѣніе.

Жизнь моя въ Кржичевѣ текла ровно и спокойно, была чужда тѣхъ волненій и неудобствъ, которыя такъ еще недавно испытывалъ я, находясь въ партіи. Я началъ свыкаться съ хозяевами и все больше и больше сознавать справедливость ихъ взгляда на польскій мятежъ. Два мѣсяца, проведенные мною здѣсь, превратили меня, польскаго патріота, во врага «ойчизны».

Скоро, однако, неожиданно для самого себя, я долженъ былъ оставить Кржичевъ. Дѣло въ томъ, что шайка жандармовъ-вѣшателей, бродившая по Брестскому, Кобринскому, Пружанскому и Пинскому уѣздамъ и производившая тамъ всякія неистовства, была разбита въ трехъ миляхъ отъ Руды и бѣжала въ царство Польское. Для ея преслѣдованія были высланы изъ города Бялы отряды, производившіе вездѣ тщательнѣйшіе обыски. Это заставило меня бросить Кржичевъ и уѣхать въ городъ Яновъ.

Это мѣсто я считалъ самымъ лучшимъ убѣжищемъ, потому что тамъ находилась католическая семинарія, много ксендзовъ и вообще все населеніе сочувствовало мятежу. Ксендзы, однако, оказались осторожными патріотами и меня не приняли, а отослали на конный императорскій заводъ, Выгодку, находившійся въ верстѣ отъ Янова. Но и здѣсь служащіе, перепуганные извѣстіями о появленіи множества русскихъ отрядовъ, разосланныхъ для ловли жандармовъ Нарбута, приняли меня не очень охотно и предложили мнѣ ночевать въ будкѣ, гдѣ помѣщались собаки. Здѣсь я нашелъ Станишевскаго, бывшаго моего товарища, и еще двухъ человекъ изъ партіи Нарбута. Бѣдный Станишевскій сталъ жаловаться мнѣ на свою судьбу и на людей, благодаря которымъ попалъ въ шайку жандармовъ. Онъ старался оправдаться въ моихъ глазахъ, ссылаясь на недостаточность своего образованія, обвиняя товарищей, воспользовавшихся его любовью къ Польшѣ и убѣдившихъ его повѣсить крестьянина въ Рудѣ, Брестскаго уѣзда, послѣ чего и началась его постыдная дѣятельность въ качествѣ жандарма-вѣшателя.

Замѣчу, кстати, что меня всегда занималъ вопросъ, какимъ образомъ безчеловѣчіе этого сорта людей могло совмѣщаться съ ихъ религіозностью, доходившей до фанатизма. Каждый жандармъ-вѣшатель былъ глубоко религіозенъ, что, однако, не мѣшало ему

безопасно вѣшать и рѣзать себѣ подобныхъ людей. Станишевскій же, помимо того, что былъ религіозенъ, никогда не отличался жестокостью. Какъ онъ попалъ на такую дорогу, сказать трудно. Изъ рассказовъ его я узналъ, что жандармы партіи Нарбута губили людей безъ всякаго суда, по одному слову шпионажида, или же пана, помѣщика, пока, наконецъ, не были разбиты русскими. Впрочемъ, большинство людей, составлявшихъ эту шайку, убѣжали и скрывались гдѣ кто могъ. Самъ Нарбутъ, а также Карчевскій, Мѣлевскій и др. спрятались на время въ Яновской семинаріи, надѣвъ на себя ксендзовскія рясы и выкрасивъ волосы въ черный цвѣтъ. Скоро, однако, наша бесѣда была неожиданно прервана. Собаки съ страшнымъ лаемъ бросились по направленію къ пролежавшей мимо дорогѣ. Это насъ обезпокоило, и мы начали прислушиваться.

Скоро раздался лошадиный топотъ, побрякиваніе сабель и тихій русскій говоръ. Мы сразу догадались, что это былъ русскій отрядъ, отправленный для розыска, и бросились бѣжать подъ прикрытіемъ темной ночи за валь, чтобы перейти на ту сторону Буга и тамъ спрятаться въ лѣсу, схвативъ что попало подъ руку, одинъ съ сапогами въ рукѣ, другой—прикрывъ себя сюртукомъ, третій—закинувъ назадъ панталоны, а я подъ одѣяломъ, половина котораго тянулась за мной по землѣ и временами путалась между ногъ. Не видя другъ друга въ темнотѣ, мы, сколько было силъ, бѣжали. Измученные, мы выбрались изъ сада и очутились за валомъ, на широкомъ, болотистомъ лугу, и я, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, увязъ почти по колѣни. Страхъ, однако, помогъ мнѣ скоро выбраться оттуда. Мнѣ показалось, что кто-то гонится за нами. Я оставилъ одѣяло въ болотѣ, и самъ удвоилъ силы, чтобы нагнать удаляющихся товарищей бѣгства. Наконецъ, не оглядываясь и не переводя дыханія, достигли мы Буга.

Станишевскій первый, не смотря на высоту берега и незнакомую мѣстность рѣки, бросился въ воду; за нимъ, какъ овцы, бросились и мы. Все это дѣлалось такъ скоро, изъ боязни попасть въ руки русскихъ, что, когда я на другой день хладнокровно обсудилъ всѣ происшествія этой проклятой ночи, то не могъ не удивиться, какъ мы уцѣлѣли. Мы переплыли Бугъ и направились къ лѣсу, прислушиваясь, не переправляются ли за нами казаки. Въ лѣсу мы вздохнули свободнѣе и, посидѣвъ немного, тронулись дальше въ путь.

Мнѣ было страшно въ обществѣ людей, приговоренныхъ къ смерти. Я предложилъ не удаляться отъ берега Буга и съ утреннимъ туманомъ переправиться черезъ него опять въ царство Польское.

Съ восходомъ солнца, сквозь туманъ, мы, къ нашему большому удивленію, увидѣли передъ собой Яновъ; такимъ образомъ,

впродолженіе четырехчасоваго нашего скитанія, мы не сдѣлали больше двухъ верстѣ. Не теряя времени, мы переправились вплавь черезъ Бугъ и, какъ были мокрые, присѣли въ кустарникѣ густой лозы. Неутолимый голодъ и холодъ довели меня до того, что я объявилъ, что, не смотря ни на что, пойду обратно въ городъ и, если черезъ часъ не будетъ отъ меня никакого извѣстія, то значить, что я арестованъ.

Когда я вышелъ изъ лозы, солнце начало грѣть довольно сильно. Согрѣтый ходьбой и солнцемъ, я осторожно пробирался къ городу, къ ближайшему жилищу, въ которомъ жилъ заводскій ветеринаръ, нѣмецъ Триненбахъ. Когда я подошелъ такъ близко, что изъ-за густой ограды сада легко могъ видѣть черезъ отворенныя окна Триненбаха, расхаживающаго съ трубкой въ рукахъ, я назвалъ его по имени нѣсколько разъ. Услышавъ зовъ, онъ подошелъ къ окну, и я кивнулъ ему пальцемъ. Ветеринаръ понималъ, въ чемъ дѣло, и пошелъ ко мнѣ, улыбаясь и не выпуская своей длинной трубки. Когда же я его спросилъ, здѣсь ли еще русскіе, пришедшіе сегодня ночью въ городъ, онъ, глядя на меня и на мой костюмъ, расхохотался и долго не могъ удержать смѣха. Насилу я добился отъ него, что никакихъ русскихъ не было.

Узнавъ объ этомъ, я безцеремонно пошелъ къ нему на квартиру, одѣлся въ его халатъ и послалъ извѣстить оставшихся въ лозахъ. Новый мой хозяинъ, узнавъ про наши ночныя странствованія, сжалился надо мной и велѣлъ приготовить чай. За чаемъ онъ мнѣ рассказалъ, что въ эту ночь никакого отряда въ Яновѣ не было, а что собаки лаяли на двухъ повстанцевъ, которыхъ онъ самъ проводилъ къ намъ въ будку. Повстанцы были вооружены, кромѣ винтовокъ, и саблями; увидавъ у насъ огонь отъ папирсъ, они задумали напугать насъ, начали еще больше шумѣть саблями и говорить между собою порусски. Они не ожидали, чтобы шутка эта могла зайти такъ далеко. Свой рассказъ онъ закончилъ смѣхомъ надъ моимъ костюмомъ и трусостью, отъ которой я тщетно старался оправдать себя и своихъ товарищей по несчастью. Впрочемъ, когда черезъ нѣсколько минутъ отворились двери и въ комнату вошли эти товарищи, то я самъ не могъ удержаться отъ смѣха, глядя на ихъ живописные костюмы и лица, выпачканныя грязью.

Дрожа отъ холода, они прежде всего бросились къ графинчику съ водкой, который осушили моментально. Всѣ были довольны, что такъ счастливо отдѣлались отъ москалей. Узнавъ, однако, отъ ветеринара, что это была шутка, они страшно возмутились и требовали повѣсить двухъ повстанцевъ, позволившихъ себѣ такую неумѣстную шутку.

Особенно настаивалъ на этомъ Тыневскій.

Тыневскій, не получившій никакого образованія, прежде былъ

цырульникомъ, но благодаря управляющему Конопинскому, который занималъ не послѣднюю должность въ организаціи Брестскаго уѣзда, былъ назначенъ парафіальнымъ. Когда русское правительство открыло гнѣздо организаціи въ имѣніяхъ графа Красинскаго, Тыневскій спасся бѣгствомъ въ партію Нарбута, гдѣ приобрѣлъ себѣ извѣстность неумолимаго и суроваго вѣшателя, такъ что скоро организація Люблинской губерніи, не задумываясь, вручила ему доводство надъ шайкой жандармовъ убитаго Вышинскаго, тѣмъ болѣе, что въ это время крестьяне Радзинскаго уѣзда начали обнаруживать большое тяготѣніе къ русскимъ. Когда они узнали, что въ Россіи устроена сельская стража, то просили военныхъ начальниковъ о введеніи таковой и у нихъ. Воеводская организація, замѣтивъ перемѣну въ крестьянахъ, прислала въ Радзинскій уѣздъ около трехъ шайкъ жандармовъ-вѣшателей. Такія шайки, почти всегда пьяныя, разѣзжали безпрестанно по дворамъ помѣщиковъ и ксендзовъ, которые ихъ отъ души угощали водкой и закусками. Шайки жандармовъ-вѣшателей не были велики, не больше 40 человекъ, вслѣдствіе чего всегда избѣгали встрѣчъ съ отрядами русскихъ. Обязанностью жандармовъ-вѣшателей было вѣшать по указанію начальниковъ мѣстной организаціи и собирать подати отъ тѣхъ, которые отказывались платить. Въ такомъ случаѣ сборщикъ верхомъ въ сопровожденіи вѣшателей отправлялся къ нежелающимъ платить. Одного помѣщика Бяльскаго уѣзда, фамиліи котораго теперь не помню, за то, что онъ отказался выдать требуемыя съ него деньги, высѣкли розгами сначала на коврѣ, какъ шляхтича (шляхтичъ, сѣченый не на коврѣ, по законамъ польскимъ теряетъ свое шляхетское достоинство), но, когда это не привело къ желаннымъ результатамъ, то высѣкли его на голомъ полу, а потомъ повели въ садъ, чтобы тамъ повѣсить. Шляхтичъ, видя, что дѣло не шутка, согласился уплатить требуемыя съ него восемьсотъ рублей серебромъ. Затѣмъ, если цѣлая деревня крестьянъ явно выказывала свое несочувствіе мятежу, то жандармы обязаны были сжечь ее. Примѣры такого рода случались довольно часто. Они же перехватывали подати, собранныя русскимъ правительствомъ. На ихъ обязанности лежало вербовать всякими правдами и неправдами людей въ партію. О жестокости, съ которой совершались всѣ эти обязанности, и говорить нечего. Къ числу такихъ людей принадлежалъ Тыневскій, хотѣвшій теперь повѣсить двухъ человекъ за невинную шутку. Въ Яновѣ была еще одна забавная личность, это — Жулцинскій, старшій надъ конюхами («маштанежами»). Отецъ молодаго Жулцинскаго, товарища ночныхъ нашихъ странствованій, суевѣрный въ высшей степени, фанатикъ донельзя и ханжа, вѣрилъ во всевозможныя чудеса. Каждое утро онъ ходилъ въ каедральный костель, гдѣ вмѣстѣ съ другими богомольцами пѣлъ «кантычки». Кантычками назы-

вались пѣсни, которыя пѣлись по утрамъ. Что онѣ представляли собой, можно судить по слѣдующимъ двумъ примѣрамъ.

I.

«Oj luli, luli, luli,
«Aj jezusik maleńki,
«Siedzi u matki najświętszej
«I fajeczkę czmuli» ¹⁾.

II.

«W naszej okolicy Matka cudowna,
«Iedząc chleb z solą, siedzi na progu,
«Zwoluje nabożnych na mszę świętą,
«By oddali ludskie ludziom, Boszie Bogu» ²⁾.

Въ одно прекрасное утро Жулцинскій, по обыкновенію, отправился въ кафедральный костелъ, для пѣнія кантычекъ. Было еще очень рано, такъ что въ костелѣ никого не было, и Жулцинскій, опустившись набожно на колѣни, началъ пѣть. Голосъ его на разные лады переливался по сводамъ пустаго костела. Вдругъ его прервалъ громкій голосъ, раздавшійся изъ-за образа. Жулцинскій вздрогнулъ и палъ ницъ на каменный полъ костела.

— «Іосифъ, Іосифъ, ты меня не любишь!» — громко и грозно проговорилъ голосъ.

— «Кто же ты, господинъ?» — дрожа всѣмъ тѣломъ, чуть слышно спросилъ Жулцинскій.

— «Я святой Іосифъ».

— «Что же ты хочешь? Говори, я слушаю тебя и готовъ исполнить твое приказаніе».

— «Пошли единственнаго твоего сына въ формирующуюся въ Брестѣ шайку Нарбута».

— *Beźdź wola Twoja, Panie*, — пролепеталъ Жулцинскій и приподнялъ голову, но святой Іосифъ уже исчезъ.

Костелъ началъ наполняться богомольцами, и Жулцинскій поспѣшилъ домой, чтобы скорѣе исполнить повелѣніе своего патрона Іосифа.

Я не могъ безъ улыбки слушать, когда Жулцинскій говорилъ мнѣ о своемъ свиданіи со святымъ Іосифомъ, чѣмъ очень сердилъ его.

¹⁾ «Ой люли, люли, люли,
«Ай Іисусикъ маленькій
«Сидитъ у святой своей матери
«И трубочку курить».

²⁾ «Въ нашемъ окологдѣ Матерь Божья
«Бѣтъ хлѣбъ съ солью, сидя на порогѣ,
«Созываетъ богомольныхъ къ обѣднѣ,
«Чтобы отдали людское людямъ, Боже Богу».

IX.

Переѣздъ въ Покинянку.—Формированіе новой шайки.—Смотръ новой шайки.—Убийство генерала Черкасова.—Мое знакомство съ военнымъ воеводой.—Неудача «извѣстнаго» воеводы Крука.—Охлажденіе къ мятежу.—Мое переодѣваніе въ крестьянскій костюмъ.—Мое пребываніе среди крестьянъ.—Унынїе среди повстанцевъ.—Моя служба въ должности ключника.—Моя служба въ должности помощника бургомистра.

Мы пробыли въ Яновѣ два дня. На третій день Нарбутъ прислалъ изъ Покинянки извѣстіе, что русскихъ отрядовъ нигдѣ не видно, и просилъ собраться въ Покинянку для обсужденія дальнѣйшихъ дѣйствій. Станишевскій просилъ меня, чтобы и я съ нимъ отправился туда, какъ бывшій секретарь партіи Стасюкевича. Я ничего не имѣлъ противъ этого, и мы поѣхали въ Покинянку, гдѣ когда-то мы съ Стасюкевичемъ такъ весело проводили свои досуги. Здѣсь насъ встрѣтила хозяйка, окруженная тремя молодыми людьми. Въ одномъ изъ нихъ я сейчасъ же узналъ Мѣлевскаго. Двое другихъ были Нарбутъ и Харчевскій. Ихъ трудно было узнать, такъ какъ они перекрасили волосы въ черный цвѣтъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, меня наконецъ спросили, желаю ли я принять участіе въ общемъ дѣлѣ. Я сказалъ, что да, но только въ томъ случаѣ, если они перестанутъ вѣшать. Послѣ этого мы пошли въ отдѣльную комнату, двери которой были заперты для постороннихъ, и усѣлись размышлять о настоящемъ положеніи дѣла.

Послѣ долгихъ переговоровъ, мы пришли къ рѣшенію собирать охотниковъ въ имѣніи Людо Бриндзы, наиболѣе удобномъ для этой цѣли, такъ какъ неподалеку росли густыя лозы, и крестьяне не такъ враждебно относились къ мятежникамъ. Мнѣ предложили быть офицеромъ, но я положительно отказался не только отъ этой должности, но и вообще отъ всякаго участія въ партіи Нарбута. Не могу съ точностью опредѣлить, что было причиною моего отказа: недостаточность ли патріотизма, или безчеловѣчные поступки мятежниковъ, или же наконецъ неувѣренность въ самомъ мятежѣ, но я безусловно отказался.

Послѣ моего отказа поступить въ шайку Нарбута, я прожилъ въ Покинянкѣ двѣ недѣли, пользуясь довѣріемъ своихъ товарищей, которые не сердились на меня за отказъ. Вербовка въ шайку Нарбута шла довольно удачно. Скоро эта партія соединилась съ партіями Врублевскаго и Гетмановича, пришедшими изъ Литвы; такимъ образомъ сформировался довольно значительный отрядъ. Станишевскій и Нарбутъ отправились, въ сопровожденіи меня, произвести смотръ одной изъ шаекъ.

Мы прибыли въ деревушку, совершенно заросшую ивнякомъ и почти утопавшую въ болотѣ. Болѣе неудобнаго мѣста для жилия

и удобнаго для формированія шайки я себѣ не могъ даже представить.

Повстанцы размѣщались по крестьянскимъ хатамъ, а лошади ихъ стояли на конюшняхъ у крестьянъ и паслись на лугахъ вмѣстѣ съ крестьянскими. Деньги на прокормленіе они получали отъ своего организатора. Въ случаѣ вѣсти о приближеніи русскихъ прятались въ лѣсу.

Послѣ этого мы вернулись назадъ въ Покинянку, а дня черезъ два я уѣхалъ въ имѣніе Воскженице, лежащее недалеко отъ Варшавско-Брестскаго шоссе. Въ окрестностяхъ этого имѣнія Рочинскій задержалъ проѣзжавшую карету, въ которой ѣхалъ въ Варшаву генераль (кажется) Черкасовъ. Рочинскій выстрѣломъ изъ револьвера ранилъ его въ голову, вытащилъ изъ кареты и затѣмъ окончательно умертвилъ свою беззащитную жертву. Хотя послѣ говорили, что генераль этотъ везъ какія-то важныя распоряженія, и что поэтому нужно было его убить, но это была неправда. Генерала убили съ цѣлью забрать его деньги и навести страхъ на другихъ.

Партія Врублевскаго, которую ожидалъ Нарбутъ, дѣйствительно скоро прибыла, такъ какъ долше оставаться въ Россіи ей уже было нельзя. Народъ и войско безустанно ее преслѣдовали и не давали пробыть дня на одномъ мѣстѣ. Помѣщики перестали посылать припасы въ шайки, но усердно помогали партіямъ переходить изъ Россіи въ царство Польское. Они переодѣвали доводцевъ въ женское платье, другихъ снабжали крестьянскими паспортами. Офицеровъ и доводцевъ женщины перевозили въ своихъ коляскахъ. Это было послѣднее личное пожертвованіе помѣщиковъ въ пользу возстанія 1863 года. Врублевскій, заступившій мѣсто уѣхавшаго за границу военнаго воеводы Духинскаго, прибылъ въ царство Польское и временно поселился въ Залѣсьѣ, въ трехъ верстахъ отъ Воскжениць. Шайкой же во время его отсутствія командовалъ Гетмановичъ. Узнавъ объ его прибытіи, я посѣщилъ познакомиться съ военнымъ воеводой моею губерніи. Впрочемъ, ничего особеннаго изъ этого знакомства я не вынесъ. Врублевскій, бывший учитель лѣсной Сокольской школы, поступилъ начальникомъ штаба къ Духинскому и послѣ его отъѣзда за границу принялъ доводство надъ шайкой. Молодой, лѣтъ 30-ти, брюнетъ, средняго роста и крѣпкаго тѣлосложенія, довольно образованный, онъ искусно владѣлъ оружіемъ, въ особенности хорошо стрѣлялъ, тѣмъ отличалась и вся его партія. Онъ принялъ меня очень вѣжливо, но такъ какъ я не имѣлъ уже охоты оставаться въ шайкѣ, тѣмъ болѣе, что наступала осень, то я скоро простился съ нимъ и уѣхалъ изъ Залѣсья, желая найти себѣ такое удобное мѣсто-пребываніе, гдѣ ни поляки, ни русскіе, не могли бы меня найти и арестовать.

Я видѣлъ ясно, что возстаніе истощается и кончится не хорошо для повстанцевъ, а потому хотѣлъ заранѣе оградить себя отъ неприятныхъ послѣдствій. Другіе, впрочемъ, еще на что-то надѣялись. Однако, совершенно бросить все мнѣ не удалось по слѣдующему случаю. Разнеслась молва, что назначень и уже пріѣхалъ новый военный воевода для всей Люблинской губерніи генераль Крукъ. На него возлагали чрезвычайныя надежды, такъ какъ по изобрѣтательности и уму не было ему равнаго. Говорили, что онъ возстановитъ Польшу съ Литвой, Украиной, Волынью и Подоліей.

Вскорѣ изданъ былъ приказъ, чтобы всѣ партіи, находящіяся въ предѣлахъ Люблинской губерніи, спѣшили соединиться около имѣнія Вайславиць, Радзынскаго уѣзда, такъ какъ воевода намѣренъ дать сраженіе русскимъ войскамъ. Всѣ партіи исполнили приказаніе, кромѣ одной, Врублевскаго, которая не пошла на зовъ. Между тѣмъ, генераль Крукъ, собравъ дружину въ пять съ половиной тысячъ повстанцевъ, выступилъ противъ русскихъ и расположилъ весь свой отрядъ въ небольшой роцѣ. Роца эта была такъ незначительна, что, когда они размѣстились, переднимъ негдѣ было спрятаться.

Русскіе воспользовались минутой и окружили биткомъ набитую роцу. Генераль Крукъ, видя неминуемую гибель, кое-какъ пробрался чрезъ цѣпь русскихъ войскъ и бѣжалъ за границу, бросивъ все въ жертву москалямъ. Изъ скучившихся въ роцѣ, 800 человекъ было взято въ плѣнъ, 600 убито, а остальные разбѣжались. Русскіе потеряли только двухъ убитыми и 8 человекъ ранеными, о чемъ не спорили даже «Вѣдомости съ поля битвы», не смотря на то, что онѣ обыкновенно обвиняли русскія газеты въ сообщеніи ложныхъ извѣстій.

Извѣстіе о пораженіи Крука поразило и меня, и всѣхъ другихъ. Послѣ этого крестьяне рѣшительно стали на сторону правительства и явно выказывали свое несочувствіе мятежу, помѣщики присмирѣли; однимъ словомъ видно было, что мятежь догораетъ, хотя партіи повстанцевъ кое-гдѣ еще и показывались. Потерянный энтузіазмъ не могли уже возбудить никакія средства: ни страстныя рѣчи, ни прокламаціи, ни угрозы, ни просьбы. Самые ярые патріоты замѣтно охлаждались и даже выражали неудовольствіе противъ тѣхъ, которые возбудили мятежь. Русскіе отряды расположились по всему Бяльскому уѣзду, почты польскія уничтожились и пребываніе у помѣщиковъ было не безопасно. Довольно было взглянуть на лице любого помѣщика, чтобы оставить его имѣніе. Боязнь, страхъ и недовѣріе отражались въ его глазахъ и словахъ. Постоянно слышались разговоры, что арестовали то Буховецкаго, то Михаловскаго—все помѣщиковъ и сосѣдей. Это невольно заставляло ихъ подумать о себѣ, такъ какъ ни

одинъ изъ нихъ не былъ безъ грѣха. Одни только ксендзы какъ католическіе, такъ и униатскіе, а также управляющіе, писаря и повстанцы не унывали и все надѣялись. Дольше оставаться здѣсь я уже не могъ и потому отправился въ деревню Добрынь, гдѣ, какъ я зналъ, жилъ сотскій, болѣе другихъ сочувствовавшій мятежу. Я прибылъ сюда вечеромъ, былъ хорошо принятъ сотскимъ, который посовѣтовалъ мнѣ переодѣться въ крестьянское платье и скрываться такимъ образомъ. Черезъ нѣсколько минутъ меня уже нельзя было отличить отъ простаго мужика, тѣмъ болѣе, что я отлично говорилъ помалороссійски. Жена сотника для большаго сходства еще подстригла на лбу мнѣ волосы. Хотя меня и трудно было узнать, однако русскіе отряды, частенько навѣдывавшіеся въ Добрынь, заставили меня перекочевать въ другую, менѣ известную деревеньку Волку, гдѣ я поселился у крестьянина Саввы.

Въ Подлясѣ, или въ Люблинской губерніи, крестьяне большей частью живутъ въ курныхъ хатахъ, такъ что дымъ остается у нихъ въ хатѣ. Если его соберется много, то его выпускаютъ, отворивъ двери. Хлѣбопашество главное ихъ занятіе. Здѣсь я прожилъ до самой Пасхи, примиряясь со всѣми неудобствами изъ-за спокойствія нравственнаго, которое нашелъ въ этой деревушкѣ.

Деревня Волка, Бяльского уѣзда, Славатыцкой волости (гмины), была счастливѣйшій уголокъ во всемъ царствѣ Польскомъ. Жители ея, всѣ православные, не помнятъ, чтобы когда нибудь проходилъ черезъ ихъ село русскій или польскій отрядъ. Въ 1830 году они не видѣли даже солдата польскаго, а въ 1863 году ни одного повстанца. Они мало даже знали о происходившемъ въ краѣ, что-то слышали, но ничего не понимали. Если случалось поѣхать въ городъ за продуктами, то возвращались скоро и не вдавались ни въ какія, до нихъ не касающіяся дѣла. Савва принялъ меня къ себѣ, долгое время не зналъ, кто я такой, и все думалъ, что я такой же крестьянинъ, какъ и онъ. Я его не разубѣждалъ и открылъ тайну только за нѣсколько дней до нашего прощанія. Никогда не забуду его удивленія. Онъ не могъ допустить, чтобы можно было такъ долго надувать и такъ долго молчать.

Приближалась Пасха. Я соскучился и сказалъ своему хозяину, что мнѣ нужно отправиться въ Осовку, имѣніе около Бялы, и скоро на лошадахъ того же Саввы я прибылъ въ Осовку, гдѣ, какъ я узналъ, находились нѣкоторые изъ моихъ товарищей, которыхъ я рѣшилъ напугать. Быстро вбѣжалъ я въ комнату, гдѣ они пили чай, и помалорусски сказалъ, что изъ Бялы идутъ москали и находятся уже не далеко. Всѣ бросились въ садъ. Будучи доволенъ и этимъ, я открылъ имъ себя, но они еще долго меня узнавали, пока убѣдились въ томъ, что я дѣйствительно ихъ товарищъ. Тогда нарушенный мной порядокъ былъ опять восстано-

влень. Я не перемѣнялъ своего костюма, а передъ незнакомыми долженъ былъ играть роль крестьянина. Разговаривая съ товарищами, я не могъ не замѣтить общаго унынія и сознанія, что дѣло мятежа проиграно. Мы начали придумывать и серьезно разсуждать о нашемъ положеніи и приходили къ тому заключенію, что если не успѣемъ пробраться въ самое короткое время за границу, то будемъ арестованы. Надѣяться на то, что легіоны, которые придутъ весною, освободятъ насъ изъ заключенія, теперь уже мы не могли, потому что вѣрнѣйшія наши надежды на Францію остались и по сіе время только надеждами. Положеніе наше со дня на день становилось все хуже и хуже, тревожное состояніе усиливалось.

Малѣйшій шумъ на дворѣ заставлялъ вздрагивать и бросаться къ окну. Лай собакъ, стукъ брички или воза, малѣйшій говоръ, доходящій со двора, заставлялъ убѣгать изъ комнаты. Я не разставался съ моимъ костюмомъ. Вся дворня и крестьяне считали меня ключникомъ, и я на самомъ дѣлѣ взялъ ключи отъ сарая, гумна и всего хозяйства.

На третій день утромъ я не могъ долго спать. Предчувствіе чего-то дурнаго беспокоило меня. Въ семь часовъ утра я пошелъ къ моимъ господамъ пить кофе. Только что я усѣлся, какъ вбѣжалъ бывшій ключникъ и объявилъ, что пришли русскіе и оцѣпили дворъ. Услышавъ это, я наскоро взялъ свою шапку, направился къ дверямъ и встрѣтился съ капитаномъ жандармовъ. Капитанъ спросилъ меня, что я здѣсь дѣлаю и съ кѣмъ разговариваю. Получивъ требуемые отвѣты, онъ отпустилъ меня съ Богомъ, приказавъ только выдать овса для уланскихъ лошадей. Я низко поклонился и довольный результатами дѣла отправился присматривать за хозяйствомъ. Вскорѣ солдаты спросили ключника, и я повелъ ихъ повсюду, куда только они мнѣ приказывали. Не легко было въ первый разъ выбирать изъ десятка ключей нужный, но какъ-то сошло, и они возвратились къ своимъ.

Я остался въ мучительномъ ожиданіи конца. Вдругъ долетѣлъ до моего слуха плачь. Мнѣ казалось, что кого-то бьютъ, и я подумалъ, не допытываются ли о чемъ нибудь. Всего пуще боялся я розогъ, а въ мужицкой шкурѣ, въ которой я находился, это легко могло случиться. Я оробѣлъ и не зналъ, что съ собой дѣлать. Наконецъ, отрядъ началъ мало-по-малу собираться, и я подумалъ, что все кончено. Но въ это время изъ двора показался солдатъ, который бѣжалъ къ намъ и звалъ ключника. Въ эту минуту мнѣ пришла даже въ голову мысль, чтобы спастись отъ розогъ, сознаться.

Я пошелъ за солдатомъ и меня привели въ комнату къ жандармскому капитану. Его ласковое обращеніе ободрило меня, и я сталъ смѣлѣе отвѣчать на дѣлаемые мнѣ вопросы. Онъ спраши-

валь, кто во дворѣ бываетъ, не перевозили ли чего ночью, однимъ словомъ задавалъ обыкновенные въ такомъ случаѣ вопросы. Я отвѣтилъ, что только три дня какъ поступилъ на службу и потому ничего не знаю. Давъ мнѣ нѣсколько наставленій, онъ отпустилъ меня и поспѣшилъ къ своимъ солдатамъ.

Вскорѣ отрядъ тронулся, забравъ съ собою моего товарища Дашкевича и писаря. Когда русскіе ушли, я началъ разспрашивать, чего они здѣсь искали. Оказалось, что они искали оружія, которое перевозилось чрезъ Осовку, о чемъ они знали. Какъ бы то ни было, угрожавшая опасность прошла. Дождаться вторичнаго посѣщенія, я вовсе не желалъ и поэтому на слѣдующій день отправился въ Волку. По дорогѣ я досталъ свидѣтельство, которое мнѣ было нужно, чтобы въ случаѣ необходимости уйти за границу. Свидѣтельство это выдалъ мнѣ знакомый бургомистръ, на имя мелкопомѣстнаго шляхтича Козловскаго, молодаго человѣка, кончившаго Московскій университетъ и убитаго въ одной изъ стычекъ. Съ такимъ видомъ я возвратился къ Савкѣ, спилъ себѣ штатское платье и черезъ нѣсколько дней уѣхалъ въ мѣстечко Славатычи и занялъ должность помощника бургомистра. Въ своей новой должности, я выдавалъ билеты на проѣздъ, свидѣтельства о здоровьѣ прогоняемаго скота на ярмарки, назначалъ квартиры проходившимъ войскамъ. Служба доставляла мнѣ деньги, которыхъ у меня уже почти не было. Съ каждаго выданнаго свидѣтельства я получалъ по 15 коп., такъ что ежедневно у меня собиралось рублей шесть, которыми я дѣлился съ бургомистромъ. Бургомистръ ничего не зналъ о моемъ прошедшемъ. Онъ былъ увѣренъ, что я Козловскій, и мнѣ приходилось нерѣдко врать, чтобы отвѣтить на какой нибудь его вопросъ.

Ягминъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

